

Переводы Слова о Полку Игореве на хорватский язык

Hrestak, Dominik

Undergraduate thesis / Završni rad

2021

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:806098>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-12-09**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti

Završni rad

Переводы Слова о Полку Игореве на хорватский язык

student: Dominik Hrestak
mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.
ak. god.: 2020./2021.

U Zagrebu, 8. rujna 2021.

Содержание:

1. Введение	4
2. Анализ	5
2.1. История переводов Слова о полку Игореве до перевода Йосипа Бадалича	5
2.2. Общие характеристики переводов Бадалича и Грчича	6
2.3. Вещий Боян и «мыслено древо».....	6
2.4. «Буй тур» Всеволод.....	9
2.5. «Сведоми кѣмети».....	10
2.6. «Свистъ зверинъ».....	11
2.7. «Дубие».....	12
2.8. «Шеломя».....	13
2.9. «Хоруговь» и «чолка».....	14
2.10. «Харалугъ».....	14
2.11. Пропуск текста при переводе.....	15
2.12. «Бебрянь рукавъ».....	17
3. Заключение	20
4. Список литературы	21
Резюме	22
Ключевые слова	22

1. Введение

Слово о полку Игореве, в оригинале *Слово о пълкоу игоревѣ. игора сына сватъславла. вноука ольгова* - одно из важнейших, если не самое важное произведение русской средневековой литературы. Произведение написано в конце двенадцатого или начале тринадцатого века и описывает события неудавшейся военной кампании Игоря Святославича по подавлению нападения племени половцев на Киевскую Русь (1185 г.). Жанр самого *Слова* определить сложно. Может быть, решение всегда непосредственно перед нами, в самом названии произведения - *Слово*. По словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «Сам автор *Слова* называет свое произведение очень неопределенно — то словом, то песнью, то повестью» (Лихачев, эл. публ.).

Сама невозможность определения жанра создает проблемы и при переводе произведения. Многие ранние переводы *Слова* на южнославянские языки не имели успеха именно потому, что переводчики переводили их «слогом (метрикой) южнославянской песни - восьмисложным, десятисложным и двенадцатисложным стихом» (Бадалич 1972: 27). Отсюда следует, что перевод *Слова* в прозе оценивается как обязательное условие для успешного перевода *Слова*.

Произведение было найдено только в конце XVIII века, опубликовано в 1800 году, а затем вскоре утеряно во время вторжения Наполеона в Москву и многочисленных пожаров 1812 года, но мы не будем рассматривать это в данной работе.

В этой работе мы рассмотрим два перевода *Слова*. Наш первый и первый вообще перевод *Слова о полку Игореве* на хорватский язык - Йосипа Бадалича 1957-ого года и второй - Марка Грчича, опубликованный в 1999 году. В центре внимания этой работы более конкретные сравнения двух переводов, лексический анализ, т.е. анализ наиболее интересных мест и словосочетаний и попытка объяснения выборов терминов у двух переводчиков.

Работа состоит из Введения, Анализа, Заключение, Списка источников и литературы, Краткого резюме, Ключевых слов и Краткой биографии автора.

2. Анализ переводов

2.1. История переводов *Слова о полку Игореве* до перевода Йосипа Бадалича

Хотя перевод Йосипа Бадалича считается первым хорватским переводом *Слова о Полку Игореве*, это не первый перевод *Слова* на один из южнославянских языков. Тогда, как и сегодня, авторы и переводчики в литературе южных славян сильно влияли друг на друга, и переводы *Слова* со временем изучались и исправлялись многими позднейшими переводчиками.

Первый перевод *Слова о Полку Игореве* на один из южнославянских языков, в данном случае на сербский, появился почти 180 лет назад, точнее в 1849 году, и является произведением сербского поэта Йована Хаджича, который перевел *Слово* под псевдонимом «Милош Светич». Он перевел *Слово* очень свободно, в духе сербской народной песни, используя десятисложный и двенадцатисложный стихи, полагая, что *Слово* - народная песня и что его следует перевести на иностранный язык в духе народной песни иного народа.

Таким же образом (в стиле народной песни с десятисложными и двенадцатисложными стихами) *Слово* перевел черногорский поэт Петр Петрович Негош. Эти два перевода оказались недостаточно хорошими, и возникла потребность в более точном переводе *Слова о Полку Игореве*, в прозе.

Вскоре после этого появились два перевода *Слова* в прозе. Первый, 1871 года, перевод иллирийского сербско-хорватского писателя Огнеслава Утешиновича-Острожинского, и второй, первый перевод *Слова* на словенский язык - Макса Плетершника. Хотя эти переводы и не были полностью удовлетворительными, они оказались лучшим вариантом, чем перевод в стиле народной песни, и из-за них «перевод *Слова о Полку Игореве* в прозе в хорватском литературоведении считался необходимым условием для верного перевода *Слова*» (Бадалич 1972: 25).

Несмотря на устоявшееся преимущество перевода *Слова* в прозе, сербские переводчики в XIX веке и в первой половине XX века все еще пытались перевести *Слово* в стиле южнославянской народной песни восьмисложным, десятисложным и двенадцатисложным стихом. Это переводы Данила Медича 1871 года и Ивана С. Шайковича 1939 года. Такие поэтические переводы *Слова* слишком сильно отдалили Медича и Шайковича от оригинала. Здесь следует упомянуть еще один словенский

перевод *Слова*, сделанный переводчиком Райко Нахтигалом в 1954 году, который во многом основан на переводе Плетершника и также переведен в прозе.

На последнем этапе перевода *Слова* у южнославянских народов переводчики делают упор на «ритмическое изучение *Слова*» (Там же: 28). На основе советского литературоведения первой половины XX века были созданы сербский перевод Милорада Панича Сурепа 1957 года и македонский перевод Тодора Димитровского 1960 года.

2.2. Общие характеристики переводов Бадалича и Грчича

Сам Бадалич перевел *Слово* в прозе, чтобы максимально приблизиться к оригиналу. Бадалич попытался выразить поэтические элементы *Слова* с помощью стилизованного и, соответственно, архаичного слога, а также использования аориста и имперфекта. Что касается графического и технического оформления перевода, то графическая форма стиха и формирование *Слова* у Бадалича служат только для визуальной помощи читателю в усвоении произведения.

Грчич пишет, что «любое деление текста *Слова* на стихи в значительной степени субъективно и будет оставаться таковым до тех пор, пока не будет раскрыт основной ритмический принцип организации текста, если вообще будет» (Грчич 1999: 108).

В своем переводе Грчич старался сохранить функциональность в изменении ритма, фигур, аллитераций и ассонанса, в то же время не отходя слишком далеко от оригинала, чтобы передать смысл текста как можно точнее. У Грчича существуют восьмисложные и десятисложные стихи, но единообразного стихосложения он избегал.

2.3. Вещий Боян и «мыслено древо»

Как пишет Марко Грчич, «автор написал *Слово о Полку Игореве* для современников, которые еще помнят события войны Игоря Святославича» (Грчич 1999: 88). Поэтому важно было обозначить хронологические рамки текста.

Однако уже в самом начале в следующих стихах мы видим разницу в восприятии времени переводчиками.

»Начати же ся тѣй песни

по былинамъ сего времени,

а не по замышлению Бояню!« (Там же)

Сего времени Бадалич перевел как *toga vremena*, а Грчич как *današnjeg doba*. Бадалич в том случае это предложение поставил в прошедшее время, т.е. он рассматривает это словосочетание так, как будто это произошло много лет назад. Бадалич свой перевод пишет из позиции автора, а Грчич помещает себя *in medias res* т.е. «в середине дела» так, как будто он находится на поле битвы с Игорем. Можно сказать что Грчич старается переводить и из позиции переводчика.

«Не лепо ли ны бяшетъ, братие,

начяти старыми словесы

трудныхъ повестий о пълку Игореве« (СЛОВО эл. публ.)

Далее следует попытка определения характера самого произведения. В самом начале текста есть слово *повесть*, которое Бадалич перевел как *kazivanje*, а Грчич выбрал слово *rovijest*, и тем самым заявляется о невозможности определения типа и жанра произведения.

В определении же особенностей повествования автор прибегает к образам животного мира, в числе которых встречается слово «мысль» и мы сталкиваемся с интересным разночтением существительного «мысль».

«Боянь бо вещей,

аще кому хотяше песнь творити,

то растекашется мыслию по древу» (там же)

Как объясняет Грчич,

«Из-за обычной троичности подобной стилистической фигуры, было предложено вместо *растекашется мыслию по древу* читать как *растекашется мисью по древу*, потому что *мысь* (псковский диалект: мысь) называли белкой.

Тогда эта часть сравнения в переводе была бы: *тогда оно возникло бы (текло, перемещалось – прим. мое) как белка по древу, как серый волк на земле... и т.д.*» (Грчич 1999: 51).

Бадалич перевел этот стих как *kao bijela vjeverica po drveću*, а Грчич как *Po drvu bi onda mišlju potekao*. Грчич выбрал старое значение глагола «растекаться» в значении начать течь, бегать, и перевел мысль как *misao*, а Бадалич интерпретировал это как мысль, т.е. белка (*vjeverica*).

И далее в тексте мы еще раз сталкиваемся с проблемой перевода слова *мысль*, только в этом случае у нас есть прилагательное (*мысленный*), а не существительное. И в то время, как Грчич придерживается перевода с начала *Слова*, где он перевел *мыслену древу* как *misaonom drvetu*, Бадалич меняет перевод и переводит больше не мысль как *белка*, а как *misaonom drvetu*, так же, как позже перевел и Грчич.

«Абы ты сиа плъкы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени» (СЛОВО эл. публ.)

Стих же *шизымь орломъ подь облакы*, которым также характеризуется манера Бояна, Бадалич перевел как *kao sivi soko pod oblacima* а Грчич как *Kano sur orao pod oblačjet*. Более точный перевод был бы *орел*, как перевел Грчич, а Бадалич выбрал слово *soko* что переводится как *сокол*.

Хотя перевод Грчича кажется более точным, выбор Бадалича оправдан. Сокол, как птица, имеет гораздо большее значение в хорватском фольклоре как храбрая, величественная, могущественная и праведная птица, чем орел, который меньше встречается в той же роли в хорватском фольклоре.

И, наконец, автор *Слова* в начале произведения дает характеристику и самого Бояна, называя его вещим. Имя прилагательное *вещий* словарь Ожегова толкует как «предвидящий будущее, пророческий» (Толковый словарь Ожегова, эл. публ.).

Большой толковый словарь русского языка толкует имя прилагательное *вещий* как «Книжн. Умудрённый опытом; знающий; мудрый (как постоянный эпитет некоторых исторических лиц, литературных персонажей)» (Большой толковый словарь русского языка эл. публ.).

Как мы сказали, в связи с вещим упомянут и один из наших героев, Боян. В *Слове* мы встречаем словосочетание *вещица пръсты*, которое Бадалич перевел как *čarobnjačke prste*, а Грчич как *vješte prste*. Здесь мы встречаемся с обоими значениями прилагательного *вещий*. Прилагательное *čarobnjački* в современном хорватском языке связано с магией, колдовством, волшебством и не совсем описывает прилагательное *вещий*. Прилагательное *vješti*, которое выбрал Грчич, полностью передает значение опытности, мудрости и ловкости пальцев Бояна.

Как и в предыдущем примере, мы опять встречаем непоследовательность в переводе Бадалича.

«Чи ли въспети было,

вещей Бояне,

Велесовь внуче:» (Там же)

Слово *вещий* снова повторяется, здесь в связи с самим Бояном, а в последнем случае - с пальцами Бояна. Грчич перевел как и раньше, словом *vješt*, в значении *опытный*, а Бадалич перевел по-другому, если сравним с его первым переводом, где он использовал слово *čarobnjački*, в значении *волшебный, пророческий*. Бадалич здесь использовал слово *prevješti*.

Слово *вещий* еще несколько раз употребляется в *Слове*.

В самом начале произведения, *Боянъ бо вещей*, Грчич перевел как *Ta kad bi Vojan vješti*, а Бадалич - *Vojan bo premudri*. Грчич придерживается перевода *vješt*, а у Бадалича уже третий термин - *premudri*, на этот раз в смысле - *слишком мудрый*.

Словосочетания *веща душа* и *вещей Боянъ* Грчич перевел как *vješta duša* и *Vješti Vojan*, а Бадалич как *bistroumna duša* и *Vojan prevješti*.

Отсюда следует, что во всех пяти упоминаниях прилагательного *вещий*, Грчич придерживался одного и того же перевода - *vješt*, в то время как Бадалич использовал четыре разных перевода: *čarobnjački, prevješti, premudri, bistroumni*.

2.4. «Буй тур» Всеволод

В следующем примере речь идет о Всеволоде, брате Игоря и, как пишет Грчич (Грчич 1999: 55), о «постоянном эпитете», который его описывает. В случае Всеволода это эпитет буй турь. Турь - дикий вымерший крупный рогатый скот, который в Древней Руси символизировал мужественность и силу (*silenost*). Буй этимологически связан с хорватскими словами *bujan* и *bujati*, а значит дикий.

«Игорь ждеть мила брата Всеволода.

И рече ему буй турь Всеволодъ:

"Одинь братъ,

одинь светъ светлый -

ты, Игорю!» (СЛОВО эл. публ.)

Грчич выбрал перевод *tur sileni*,

«Igor čeka milog brata Vsevoloda.

I reče njemu tur sileni Vsevolode:» (Грчич 1999: 55)

а Бадалич практически не перевел оригинал, а оставил *buj-tur*

Igor čeka mila brata Vsevoloda.

«I reče njemu buj-tur Vsevolode:» (Бадалич 1972: 33)

2.5. «Сведоми кѣмети»

В следующем отрывке мы сталкиваемся с проблемой перевода слова *къметь*. У термина *къметь* у славянских народов были различные значения. В истории Хорватии и вообще хорватского народа, феодализм был доминирующей структурой общества средневековья, как и в большинстве стран тогдашней Европы. *Кметы* были зависимые крестьяне, практически рабы в средние века. На Руси слово *къметь* обозначало опытного воина, витязя, даже можно сказать богатыря. И в следующем примере слово использовано именно в этом смысле - опытного героя.

Необходимо еще указать, что и *junasí* может быть не совсем точный перевод, так как речь идет не только о героях, но вообще о воинах в целом. Следует добавить, что существует еще и другое разделение по словам текста, *сведоми кѣ мети*, в значении -

умеющие хорошо стрелять в цель. А все это дополнительно осложняет возможности перевода.

«А мои ти куряни - сведоми кьмети:
подь трубами повити,
подь шеломы възлелеяны,
конець копия въскръмлени» (СЛОВО эл. публ.)

Грчич перевел этот термин как *junaci*, и это более точный перевод,

«А moji su ti Kurjani iskusni junaci:
Pod trubljama povijani,
Pod šljemovma odnjihani
Vrškom koplja otpitani,» (Грчич 1999: 56)

в то время, как Бадалич выбрал слово *kmet*, что может запутать читателя:

«А moji Kurjani iskusni su kmeti:
Pod trubljama povijeni,
Pod šljemovima odnjihani,
Na vrhu koplja othranjeni;» (Бадалич 1972: 33)

Надо упомянуть еще один интересный выбор Грчича при переводе слова *въскръмлени*. Бадалич выбрал совсем хороший вариант словом *othranjeni*, а Грчич выбрал слово *otpitani*. Выбор Грчича очень продуманный, потому что слово *pitati* праславянского корня и существует и в русском языке.

2.6. «Свистъ зверинь»

В следующем примере рассмотрим проблему перевода термина *зверинь*.

«Солнце ему тьмою путь заступаше;

ношь, стонуши ему грозою, птичь убуди
свисть зверинь вьста» (СЛОВО эл. публ.)

Грчич пишет, что термин *zverinь* обозначает «степных животных и мышей. Обычно они пищат, когда восходит солнце, поэтому эта картина означает, что утро уже началось» (Грчич 1999: 56).

Грчич выбрал термин *živine*, который в хорватском языке обозначает диких животных, но не обязательно опасных.

«Sunce njemu pomrčinom put zagradi,
Noć stenjanjem groznim ptice probudi;
Živinska se sika diže» (Грчич 1999: 56).

Бадалич выбрал термин *zvijeri* - звери который не совсем точно описывает ситуацию.

«Sunce pomrčinom put mu zaklanjaše,
Noć prijeteći olujom ptice probudi,
Zavijanje zvijeri nastade» (Бадалич 1972: 33)

2.7. «Дубие»

В следующем отрывке две разницы между переводами. Первая при переводе слова *дуб*. В переводе Грчича мы видим что он перевел *дуб* как *дерево*. Существительное *дуб*, т.е. дубы, можно обобщать как деревья, но одна часть смысла потеряна. Символика дуба в славянском фольклоре многочисленна. Он был связан с Перуном, богом-громовержцем в славянской мифологии и его можно считать священным деревом, и Бадалич знал это и оставил исходное слово, т.е. перевел это как *dub*. Но, с другой стороны, следовало бы указать, что *дуб* неподходящее слово хотя бы потому, что по маршруту князя Игоря, т.е. в степи дубов не было.

«Уже бо беды его пасеть птицъ
по дубию;
вльци грозу вьсрожать
по яругамъ;

орли клеткомъ на кости звери зовуть;

лисици брешуть на чръленыя щиты.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!» (СЛОВО эл. публ.)

Перевод Грчича:

«Kob njegovu već ptice vrebaju

Po drveću;

Vuci grozu šire

Po jarugama;

Orlovi kliktanjem zovu zvijeri na kosti;

Lisice kevću na crvene štitove.

O ruska zemljo! Već si iza humka!» (Грчич 1999: 58)

Перевод Бадалича:

«Ptice svud po dubovima

Nesrećom se njegovom već pasu

Vuci stravu navode po jarugama,

Orlovi kliktanjem na kosti zvijeru zovu,

Lisice na štitove crvene štekću.

O Ruska Zemljo! Već si za gorama» (Бадалич, 34)

2.8. «Шеломя»

Вторая разница в переводе касается слова *шеломя*. Грчич пишет что, «здесь *шеломянь* означает степной *курган*, вероятно, половецкий курган, какие часто встречались в степи. Говорится, что русские уже глубоко проникли на территорию врага и что русские земли остались далеко позади них» (Грчич, 58).

Грчич выбрал термин *humak* (*холм*), который живописно и буквально передает оригинал и в сноске Грчич добавляет объяснение слова. Бадалич перевел это как *gorama* (букв. за горами), и таким образом не только передал ощущение большой

дистанции, но и очень искусно использовал русский фразеологизм (*не*) *за горами*, который описывает близость (*не за горами*) или удаленность (*реже - за горами*).

2.9. «Хорюговь» и «чолка»

При переводе терминов *хорюговь* и *чолка* Грчич взял термины *horugva* и *tug*. «*Хорюговь* заимствование из монгольского языка, (*х*)*оронго* - флаг. По-русски *хоругвь*» (Грчич, 59).

«Чърлень стягъ,
бела хорюговъ,
чрълена чолка,
сребрено стружие» (СЛОВО эл. публ.)

«Crveni stijeg
Bijela horugva
Crveni tug
Srebrni držak» (Грчич 1999: 59)

Бадалич выбрал термин *barjak*, слово из турецкого языка, которое и в хорватском обозначает флаг, но сегодня с архаичным оттенком, поэтому он и остановил на нем свой выбор.

«Crveni stijeg, bijeli barjak
Crvene zastavice, srebrno koplje» (Бадалич 1972: 34)

Что касается термина *чолка*, Грчич для перевода выбрал слово *tug* и объясняет его, как «конский хвост, разукрашенный красным, на ручке, как знак власти у половцев и других тюркских народов» (Грчич 1999: 59).

Бадалич выбрал термин *zastavice*, что описывает термин *чолка*, но не вполне точно, как термин *tug*.

2.10. «Харалугъ»

Следующий термин - *харалужный* интерпретируется по-разному.

«сыплешь на воинов стрелами,

гремишь о шеломах мечами харалужными» (СЛОВО эл. публ.)

Грчич говорит, что:

некоторые связывают существительное *харалужь* с тюркским корнем слова *qur-yl-u*, *qur-yl-uw*, – *массовая смерть, массовое уничтожение*, и поэтому прилагательное *харалужный* значит *смертельный*. Другие думают, что прилагательное *харалужный* связано с франкским словом *qar(a)lung*, по имени династии Каролингов, когда какой-то меч был назван «каролингским». Третьи думают о связи с тюркским *qaralu* – *почерневший, закопченный* из-за черноты, возникающей при закаливании. Из контекста наверное, проистекает, что прилагательное обозначает «сталь». Чтобы добиться архаичности, мы выбрали термин *zanađen*, причастие старого хорватского существительного, обозначающего сталь - *nado* (Грчич 1999: 61).

«Mećeš strijele na vojnike,

Grmiš o šljemove mačevima zanađenim!» (Там же, 61).

Бадалич выбрал термин *gvozden*, термин, означающий железо, но с архаичным оттенком в хорватском языке.

«Po vojsci strijeljaš

Po šljemovima grmiš

Mačevima gvozdenijem» (Бадалич 1972, 35).

2.11. Пропуск текста при переводе

Иногда в версии перевода Бадалича отсутствуют части текста. Грчич перевел с русского версию толкования Слова Дмитрия Сергеевича Лихачева 1985 года, а Бадалич использовал версии А. Югова, 1945 г., А. С. Орлова 1946 г., Н. К. Гуздя 1947 г., и также Д. С. Лихачева, но 1950 г. Например, в оригинальной версии существуют строки, которых в версии Бадалича нет.

«Уже соколома крыльца припешали

поганыхъ саблями,
а самую опуташа
въ путины железны".
Темно бо бе въ 3 день:
два солнца померкоста,
оба багряная стлѣпа погасоста
и съ ними молодая месяца,
Олеѣгъ и Святѣславъ,» (СЛОВО эл. публ.)

Версия Грчича:

«Već sokolima krila podsješko
Pogani sabljama,
A njih same oputiše
U puza željezna.
Jer tamno bi trećeg dana:
Dva sunašca pomrčaše,
Oba se grimizna stupa pogasiše,
I s njima mjeseci mlađaci –
Oleg i Svjatoslav –» (Грчич 1999: 69)

Версия Бадалича:

«Već su sokolima krila podrezana
Sabljama poganijeh,
A s njima i dva mjeseca mlađaka,
Olega i Svjatoslav[...]» (Бадалич 1972: 39)

Также и в еще одной части произведения отсутствует небольшая часть текста:

Источник:

«Грозы твои по землям текут,
открываешь ты Киеву ворота,
стреляешь с отцовского золотого
престола салтанов за землями.
Стреляй, владыка, Кончака,
поганого кощя [...]» (СЛОВО эл. публ.)

Перевод Грчича:

«Strah od tebe zemljama se širi,
Ti otvaraš vrata Kijevu,
Strijeljaš s očinskog prijestola zlatnog
Sultane dalekih zemalja.
Strijeljaj, gospodine, Končaka,
Tog zlotvora poganog» (Грчич 1999: 74)

Перевод Бадалича:

«Strah i trepet pred tobom se zemljom širi
Kijevu otvaraš ti vrata,
Strijeljaš s očeva prijestola zlatna
Poganskog slugana →» (Бадалич 1972: 41)

Непонятно, почему части текста отсутствуют в версии *Слова* Бадалича, но Грчич об этом говорит следующее:

Поскольку произведение дошло до нас в очень поврежденном состоянии, иногда с непоследовательностями, оно изобилует так называемыми темными местами, с которыми исследователи и переводчики, конечно, всячески справлялись, но их

предложения пролить свет на них нельзя считать окончательными (Грчич 1999: 109)

2.12. «Бебрянь рукавъ»

Когда Ярославна упоминает *бебрянь рукавъ*, Бадалич и Грчич перевели это по-разному, но мы можем отнести это к новым исследованиям, которых не существовало во время Бадалича.

«омочю бебрянь рукавъ въ Каяле
реце» (СЛОВО эл. публ.)

Бадалич использовал слово *dabar* (*бобр*), т.е. рукав из бобровой шкуры,

«zamočit ću dabrov rukav
u Kajalu rijeku» (Бадалич 1972: 44)

«но недавние исследования, показали, что это белая *шелковая* ткань особой обработки» (Грчич 1999: 81)

«Umočit ću svilen rukav u Kajalu rijeku» (Там же, 81)

Следует добавить, что такие дорогие шелковые ткани приводили из Византии, а форма *бебрянь* в смысле *бобровый* вообще нигде в древнерусских памятниках не встречается.

Следует также отметить «ошибки» Грчича. *Горностаи* по-хорватски *hermelin* ili *zerdav*. Бадалич это перевел как *lasica* (*ласка*), что не так уж неточно, потому что ласки и горностаи из одного рода и они выглядят почти одинаково внешне.

Источник:

«А Игорь князь поскочи
горнастаемь къ тростию» (СЛОВО эл. Публ.)

Бадалич:

«A Igor kneže ko lasica jurne
u trstiku» (Бадалич 1972: 46)

Грчич здесь использовал слово *lasta* (*ласточка*). Возможно, произошла ошибка потому что *ласка* в русском языке и *lasta* в хорватском языке практически омонимы, но, может быть, Грчич хотел создать другой поэтический образ.

«A Igor-knez poskoči

Kano lasta do tršćaka» (Грчич 1999: 83)

3. Заключение

Перевод произведений, созданных 8 веков назад, сложный. Он не простой не только из-за испорченных частей произведения, но и потому, что большинство метафор и сравнений были утрачены со временем и не актуальны по сей день. Двусмысленность и неоднозначность некоторых терминов - еще одна из проблем. Иногда из-за частичной омонимии сложно определить корень, происхождение и значение слова, и в этих местах существуют отличия в переводе.

Перевод Бадалича является первым качественным переводом *Слова* в прозе на хорватский язык и, как таковой, послужил образцом для дальнейших переводов, но у него есть свои недостатки.

Некоторые части перевода было легче перевести Грчичу благодаря новым исследованиям и возможной большей доступности литературы.

Проанализировав перевод, я думаю, что перевод Грчича лучше, чем перевод Бадалича, из-за его обширности, дополнительных пояснений в сносках, а следовательно, он более точен. На примере пяти случаев употребления прилагательного *веций*, мы видим, что Грчич был последовательным и переводил его каждый раз одинаково, в то время как Бадалич использовал четыре разных термина при переводе.

При переводе термина *дуб* было показано более глубокое понимание Грчича географического положения *Слова о Полку Игореве*, когда он понял, что в походе Игоря через степь не было дубов, и использовал термин *drveće (деревья)*, в отличие от Бадалича, который оставил слово *dub (дуб)*.

Несколько раз в переводе Бадалича мы даже встречаем пропуск части текста в переводе, которые находятся в тех «темных, испорченных местах», что также сильно снижает качество перевода Бадалича.

По всем этим и многим другим причинам я прихожу к выводу, что перевод Йосипа Бадалича, хотя он добросовестный и тщательный, все же не на столь высоком уровне, как перевод Марка Грчича.

4. Список литературы

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА

ОЛЬГОВА, режим доступа: <https://www.rulit.me/books/slovo-o-polku-igoreve-igorya-syna-svyatoslavlya-vnuka-olgova-read-138284-1.html> Дата обращения: 7. 9. 2021.

Slovo o vojni Igorevoj, Školska knjiga, 1999. перев. Užarević J., Vidmarović N., Venturin R., Grčić M.

Бадалич, Йосип. (1972) *Rusko-hrvatske književne studije*, Zagreb: LIBER

Лихачев Д.С., 1970. *Золотое слово русской литературы*. Режим доступа: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=254> Дата обращения: 7. 9. 2021.

Толковый словарь Ожегова онлайн. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> Дата обращения: 7. 9. 2021.

Большой толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> Дата обращения: 7. 9. 2021.

Резюме

Ovaj završni rad posvećen je poredbenoj analizi dvaju prijevoda *Слова о Полку Игореве*, jednog od najranijih i najvažnijih dijelova ruske srednjevjekovne književnosti, te temeljnog književnog djela Kijevske Rus'. U završnom radu leksikološki se uspoređuju prijevodi Josipa Badalića (1957.) i Marka Grčića (1999.) Analizira se izvorni tekst, a zatim se poredbenom analizom traži hrvatski prijevod te se oni stavljaju u opreku.

Ключевые слова

русский язык	Ruski jezik
хорватский язык	Hrvatski jezik
Слово о Полку Игореве	Slovo o vojni Igorevoj
Перевод	Prijevod
Бадалич Йосип	Badalić Josip
Грчич Марко	Grčić Marko
Анализ перевода	Analiza prijevoda

Kratki životopis

Rođen sam 30. prosinca 1992. godine u Zagrebu gdje sam završio osnovnu i srednju školu. Nakon završetka X. Gimnazije upisujem dvopredmetni studij Ruskog jezika i književnosti i Engleskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Preddiplomski studij Engleskog jezika završio sam 2019. godine te upisao diplomski studij – prevoditeljski smjer. Trenutno uz studij radim kao prevoditelj za Engleski jezik fokusiran većinom na tehnički i medicinski prijevod.